

Не успела закрыться дверь за последним пациентом, как Шубников вскочил и скинул заранее расстегнутый халат, но Клавдия Константиновна преградила ему дорогу к свободе.

— Свидание с пивным ларьком придется отложить, Александр Васильевич.

— Чего это?

— Главврач немедленно требует вас к себе.

— Ну уж нет! — Шубников схватил часы, которые снимал с руки во время приема, и многозначительно постучал пальцем по циферблату: — Рабочее время кончилось!

Сурово приподняв левую бровь, медсестра заметила:

— Это прием закончился, Александр Васильевич, а рабочее время — нет.

— Может, скажете, что меня на вызов дернули? — заныл Шубников. — А до завтра она забудет...

— Идите, доктор. Вы же не знаете, зачем она вас пригласила.

— Ну явно не затем, чтобы премию вручить. Или почетную грамоту.

— Да, — вздохнула Клавдия Константиновна, — это крайне маловероятно.

— Ну вот...

— Идите-идите.

Шубников снова надел халат и, не застегиваясь, побежал на второй этаж, перебирая в памяти свои прегрешения. Было их не так чтобы мало, но по опыту он знал, что сильнее всего получишь именно за то, в чем нисколько не виноват.

Медкарты на столе главврача образовывали настоящий бастион, из-за которого виднелась только ее макушка.

— Ой, кто это к нам пришел, — пропела она, — сразу и не разберешь, то ли ведущий хирург поликлиники, то ли санитар из морга.

Шубников вздернул подбородок и халат застегивать не стал.

Главврач вышла из своего укрытия. «Ой, а кто это, — мысленно передразнил Шубников, — то ли главврач, то ли торговка с Кировского рынка». Таисия Михайловна была полная брюнетка лет сорока с короткой стрижкой и челкой, выветленной по последней дикой моде, к которой Шубников еще не успел привыкнуть.

— Саша, ну что за вид, — приблизившись, главврач поправила ему перекрутившийся воротник халата, — хирург — это ведь лицо поликлиники. Как думаешь, мне приятно, что у нашего учреждения такое помятое лицо?

— Что звали-то?

— Ах да! — Таисия Михайловна улыбнулась и легонько стукнула себя по лбу, — сообщаю вам, дорогой Александр Васильевич, что пришло время исполнить ваш гражданский долг!

— Я уж исполнил. С горушкой.

— Не воинский, а гражданский.

Не понимая, куда она ведет, Шубников почесал в затылке. Главврач засмеялась:

— Помните, мы вас выбрали народным заседателем?

— Нет.

— Ну как же? Это единственная общественная нагрузка, которую вы любезно согласились нести.

— Но я думал, что меня никогда не вызовут. Врачей ведь обычно не дергают?

— Обычно нет. Но тебя возмездие все-таки настигло. Короче говоря, ноги в руки и топай в суд.

— Сидеть там, слушать все эти дразги?

— Сидеть там, слушать все эти дразги.

— Да ни за что! Вы же можете меня не пустить по производственной необходимости?

— А у меня ее нет, — Таисия Михайловна торжествующе ухмыльнулась.

— Как это нет? Что ж, Селиверстова одна останется?

— Ну так остается же, когда ты в отпуске, и наоборот. Ничего страшного.

— А она не согласится!

— Да что ты говоришь! Я ей полставки под-
рисую за расширение зоны обслуживания, она
только рада будет.

— Она дура.

Главврач нахмурилась и скрестила руки на
груди, став похожей на Наполеона, только тол-
стенького и в белом халате:

— Дура не дура, Сашенька, зато у нее всегда
талоны вовремя сданы, инвалидности оформле-
ны, карточки написаны, а с тобой я как на поро-
ховой бочке. Ты то с похмелья, то пьяный, то во-
обще... Будто и не знаешь, что страна взяла курс
на борьбу с алкоголизмом.

Шубников пожал плечами.

— Клава хоть отдохнет от тебя, — продолжила
главврач, — ты подумай, я тебе дала лучшую мед-
сестру во всей поликлинике, а ты ее за полгода
в тяжелую невротичку превратил. Она за тобой
смотрит как за малым ребенком, половину твоей
работы делает, ты хоть это понимаешь?

— Это понимаю.

— Ну вот и иди в суд. Посмотришь кстати, до
чего пьянство людей доводит. Если тебя цирроз
не пугает, может, хоть зрелище моральной дегра-
дации на какие-то мысли натолкнет.

— Не натолкнет. Меня перевоспитывать —
дохлый номер.

Таисия Михайловна поморщилась и вдруг по-
гладила его по плечу так мягко, будто он был ей
родным человеком.

— Ах, Саша, Саша, — она покачала головой, — как достучаться до тебя?

Он резко отступил.

— А никак! Я работу свою делаю, а остальное вас не касается.

— Зря ты дистанцируешься от коллектива.

— Знаете, Таисия Михайловна, я еще не до такой степени морально деградировал, чтобы сунуться в дружный женский коллектив.

— Побрейся хотя бы перед заседанием.

Главврач села за стол и раскрыла верхнюю карточку, очень пухлую, в картонном переплете с изъеденными временем уголками. Корешок был подклеен розовой цветной бумагой под мрамор, некая праздничная заплатка на мрачной летописи болезней. Пробормотав, что все понял, Шубников быстро ушел, пока Таисия Михайловна не выхватила его запись с какой-нибудь чудовищной ошибкой.

Хотя... Лучше было бы получить очередной нагоняй, чем узнать, что с понедельника ему придется ходить в суд. Это даже хуже, чем на учебу. Впрочем, нет, на учебу все-таки хуже, ведь в суде не встречаешь на каждом углу старых знакомых.

После антисептиков и ламп дневного света ленинградский воздух казался ему свежим и сладким, как сама свобода. Выйдя на крыльцо поликлиники, Шубников потянулся, резко выдохнул, напугав, кажется, при этом небольшой отряд бабушек, готовящийся к атаке на реги-

стратуру, и подставил лицо ласковому сентябрьскому солнцу.

Облетали с кленов первые листья, расцветивая багряными и рыжими крапинками еще полетнему сочные изумрудные газоны. Под бледным хрустальным небом природа готовилась к своей прекрасной агонии, именуемой золотой осенью.

Остановившись возле пышного куста шиповника, усыпанного алыми плодами, блестящими под солнцем, как капли свежей крови, Шубников достал сигаретку. День выдался такой ясный, что не разглядеть язычка пламени, и Александр только по теплу в руке понял, что зажигалка сработала.

На крыльце поликлиники показалась Клавдия Константиновна, стройная, подтянутая и прямая как доска, в старомодном двубортном плаще и туфлях на плоской подошве, очень напоминала английскую гувернантку из благородного семейства. Шубников никогда не видел гувернанток вживую, но по книжкам составил себе именно такое представление.

На всякий случай он отступил подальше за куст. Если Клавдия его заметит, то придется идти вместе до метро, а о чем разговаривать со своей медсестрой вне работы, Шубников не имел ни малейшего понятия.

Запах разогретого пыльного асфальта, и так редкий гость в Ленинграде, совсем скоро растворится в мелких хмурых дождях и уйдет до сле-

дующего лета. И кто-то сегодня вдыхает его последний раз...

В детстве и юности все было ясно, лето кончалось, но разноцветные кленовые листья символизировали не умирание, не конец, а начало нового учебного года, встречу с друзьями, приключения и открытия, словом, жизнь продолжалась. То же и в студенчестве, а потом Шубников повзрослел и стало ясно, что однажды все кончится и ничего не начнется.

Он улыбнулся, отгоняя тяжелые мысли, и выглянул из-за куста. Клавдия уже повернула на проспект, значит, можно и ему выходить.

Миновав сквер, Александр дошел до углового дома и поморщился. Еще два месяца назад здесь была очень душевная разливуха, но теперь в рамках борьбы с пьянством и алкоголизмом ее спешно переоборудовали в соковый бар. Отмыли, покрасили стены в приятный песочный цвет, на прилавок поставили модные стеклянные коробки с соками, вниз — холодильник с мороженым. Хочешь по отдельности бери, а хочешь в виде коктейля «Айсберг». Местные алкаши в шоке, а радуются реформам только восьмиклассницы, которые теперь могут пить коктейли через трубочку, как в иностранных фильмах. И так по всему городу теперь. Распивочные варварски переоборудованы, магазины торгуют только с четырнадцати до девятнадцати, цены подняли, на предприятиях организуют общества трезвости... Даже у них

в поликлинике создали, хотя в этом богоугодном заведении пьющий только он.

Возле винного магазина выстроилась длинная пестрая очередь. Стояли и конченные алкоголики, и приличные мужчины в костюмах, и молодые женщины, явно смущенные, что оказались в таком неподобающем для себя месте. Шубников прошел мимо с неким чувством превосходства. Он врач, черт возьми, и если больной, вопреки заветам наркома Семашко, за почти семьдесят лет советской власти так его и не накормил, то должен хотя бы напоить в это нелегкое для страны время.

Тут Шубников вспомнил, что с понедельника идет не на работу, а в суд, где ему вряд ли кто-то что-то поднесет, и настроение испортилось.

* * *

Фонтанка сверкала и искрилась под солнцем, легкая рябь волн отражалась на потолке Ириного кабинета, и казалось, будто это какой-нибудь древний бог раскинул невесомую золотистую сеть, чтобы затянуть в нее незадачливую судью, только что вышедшую из отпуска.

Ирина с грохотом передвинула каретку пишущей машинки, встала, закрыла кабинет и вышла на набережную, решив провести обеденный перерыв на улице.

Вдруг дачный загар благодаря этому продержится на пару дней дольше...

Ирина знала, что смуглость ей идет, и в молодости тратила много времени и сил, чтобы тело приобрело ровный коричневый оттенок, исключая зону трусиков и лифчика, но непременно «без лямок». А теперь загар у нее крестьянский: лицо, шея да руки... Впрочем, и на том спасибо, могли вообще отпуск дать не летом, а в ноябре. Ирина облокотилась на теплую чугунную решетку и глубокомысленно уставилась на пляску искр по черной воде.

— Ах, Ирочка, на что мы тратим нашу жизнь, — вдруг услышала она. Это председатель суда встал рядом с нею.

Ирина улыбнулась.

— Все крючкотворничаем, роемся в бумагах, а солнышко — вот оно, — Павел Михайлович посмотрел в небо и прищурился, — светит всем, и правым, и виноватым.

На это было что возразить по существу, но не хотелось портить момент казенщиной, поэтому Ирина промолчала, закрыла глаза и подставила лицо солнечным лучам и еле уловимому прохладному ветерку с реки.

Послышался шум и плеск волн о гранитный берег — это приблизился экскурсионный катер. Гид что-то говорил в мегафон, но Ирина улавливала только учительскую интонацию, а слов было не разобрать.

Надо бы свозить детей на эту экскурсию по рекам и каналам, да и она сама ни разу не была, хоть всю жизнь прожила в Ленинграде. На «Ме-

теоре» в Петергоф однажды ездила, но давно, еще в начальной школе. Неприятное воспоминание царапнуло, как звук ножа по стеклу, и вывело Ирину из блаженного умиротворения.

Она открыла глаза и посмотрела вслед катеру. Вся верхняя палуба заполнена детьми, девочки в форменных платьицах с белыми фартуками и бантами, мальчики в синих курточках. По периметру, как часовые, стоят женщины, немного, человек пять. Ирина присмотрелась. Красных галстуков на детях не видно, значит, это начальная школа, ребятишки еще послушные. Пионеров такими хилыми силами в узде не удержишь, тут даже взвод опытных конвойных не даст гарантии.

Так и она когда-то поехала с классом на экскурсию, приуроченную к окончанию учебного года. Мама процедила: «Поступай как знаешь», и выдала пятьдесят копеек на дорогу. Ирина тогда впервые испытала ту полную растерянность, которая вызывает почти физическую боль, когда тебе одновременно и запрещают, и разрешают и ты понятия не имеешь, где тут правда и что тебе делать. На словах одно, а тон, жесты, выражение лица — абсолютно противоположное, чему верить, какое решение принять? Тогда Ирине очень хотелось на экскурсию, и она решила поверить маминим словам и полтинничку. Ведь если бы мама действительно запретила ехать, она не дала бы денег, верно? Оказалось, нет. По возвращении с экскурсии Ирину ждал грандиозный скандал, где ей было сообщено, что она бездушная и

черствая девчонка, дрянь неблагодарная и эгоистка, думающая только о своих удовольствиях. Хвостом вертит и знать не хочет, что мать волнуется, не случилось ли с ней там на природе какого несчастья, и вообще на этот день была запланирована генеральная уборка. А кроме того, пятьдесят копеек сумма, конечно, небольшая, но Ира должна была в первую очередь спросить себя, а заслужила ли она, чтобы эти деньги были потрачены именно на ее развлечения? На робкие возражения, что она же разрешила, мама ответила хрестоматийной фразой «сама должна понимать» и что ей очень хотелось убедиться, что ее дочь — добрая и разумная девочка, которая заботится о своих близких. Но увы...

Ирина поморщилась, вспомнив, как болела душа после того скандала. Потом, с годами, она нарастила панцирь, научилась лавировать между интонацией и словом, нести груз несуществующей вины и поняла, что все, что не разрешено, — запрещено, а тогда чуть не задохнулась от сознания собственной мерзости. В общем, дорого ей тогда далась та экскурсия, так дорого, что даже сегодняшний день пришлось за нее заплатить, ведь настроение испортилось окончательно.

Вот так, ловим погожие деньки, радуемся солнцу и проклинаяем ненастье, и не считаем, сколько часов проводят наши близкие в отчаянии из-за наших похода брошенных слов...

Ирина развернулась, собираясь уходить, но Павел Михайлович придержал ее за локоть: